

УДК 94(38).02

Д. В. Зайцев

ПРЕДЛОЖЕНИЯ О ПРЕКРАЩЕНИИ ОСАДЫ ТРОИ В «ИЛИАДЕ»: К ПРОБЛЕМЕ ВОИНСКОЙ ЭТИКИ У ГОМЕРА¹

Важными эпизодами для оценки особенностей гомеровской воинской этики являются сцены, когда один из ахейских героев предлагает другим прекратить осаду и вернуться домой. С одной стороны, эти сцены являются необходимыми элементами военных советов и используются поэтом для демонстрации сложности ситуации ахейцев под Троей перед принятием важных решений. В этом случае обычно с предложением прекратить осаду выступает тот, кто созвал собрание, чаще всего, Агамемнон. Причиной прекращения осады и бегства на родину оратор называет волю богов. Последняя может быть явно выраженной знаменами Зевса, либо следовать из общего неудачного положения дел – мором или военными поражениями. В качестве угрозы использует идею прекратить осаду Трои и вернуться домой Ахилл. В его случае угроза уйти из войска ахейцев является закономерным следствием нанесенного герою оскорбления. Этот тезис убедительно доказывает и В. Йегер, подчеркивающий важность сохранения определенной модели управления в войске и уважительного отношения к ἀρετή героев. Моральное осуждение, которые мы встречаем в отношении

Ахилла, концентрируется на том, что герой слишком упорствует в своем гневе и не идет на примирение с признающим свою вину Агамемноном. Полноценный план прекращения осады в кризисный момент формулирует Агамемнон, предлагающий спустить часть кораблей на воду и ночью бежать от троянцев. Проработанность проектов отступления нарастает по мере ухудшения положения ахейцев под Троей. Если в первых песнях никто всерьез не возражает оратору, предлагающему прекратить осаду, то впоследствии на реалистичность обсуждаемых планов указывает резкая тональность высказываний Диомеда и Одиссея, осуждающих саму идею прекратить осаду. Прекращение осады воспринимается персонажами поэмы как позор, за который их впоследствии будут упрекать в трусости. Особенно ярко эта идея прослеживается в словах Агамемнона раненому Менелая и, конечно, она ярко контрастирует с высказанной тем же Агамемноном идеей о допустимости ночного бегства ради спасения войска.

Ключевые слова: Гомер, «Илиада», бегство, Агамемнон, Троя.

D. V. Zaytsev

PROPOSALS ON THE LIFTING OF THE SIEGE OF TROY IN THE «ILIAD»: THE PROBLEM OF MILITARY ETHICS IN HOMER

Important episodes to assess the characteristics of the Homeric military ethics are the scenes when one of the Achaean heroes offers the others to stop the siege and return home. On the one hand, these scenes are necessary elements of military councils and are used by the poet to demonstrate the complexity of the situation of the Achaeans under Troy before making important decisions. In this case, the one who calls the meeting offers the cease of the siege, namely Agamemnon. He names the will of the gods the reason for the end of the siege and flight home. The latter can be clearly expressed by the signs of Zeus, or follow from the unfortunate situation – pestilence or military defeats. Achilles uses the

idea to end the siege of Troy and return home as a threat. In his case, the threat to leave the army of the Achaeans is a natural consequence of the insult inflicted on the hero. V. Yeager proves this thesis and emphasizes the importance of maintaining a management model in the army and respect for ἀρετή of heroes. The moral condemnation of Achilles focuses on the fact that the hero is too stubborn in his anger and does not go to reconciliation with the guilty Agamemnon. Agamemnon comes up with a full-fledged plan to end the siege at a crisis moment, offering to lower some of the ships on the water and to escape from the Trojans at night. The elaboration of the draft retreat is enhanced with the deterioration of the situ-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-39-50005 «Этика войны в раннегреческой эпической и лирической поэзии VIII–VI вв. до н. э.».

ation of the Achaeans under Troy. If in the first songs no one seriously objects to the speaker proposing to end the siege, then later the sharp tone of the statements of Diomedes and Odysseus, condemning the idea to end the siege, indicates the realism of the plans discussed. The lifting of the siege is perceived by the characters of the poem as a disgrace for which

Проблема Гомера и гомеровских поэм как исторического источника неоднократно поднималась в историографии [4; 5]. Главная сложность их использования в работе заключается в трудности анализа эпоса, включающего в себя разновременные реалии. Отдельные исследователи скептически относятся к существованию гомеровского общества и реконструкции исторических реалий на основе гомеровского эпоса [15]. Тем не менее, большинство ученых полагает, что, при всей неоднородности гомеровских поэм, они содержат ценную информацию, которую можно использовать как источник по греческой истории. В качестве важного метода исследования используется сопоставление реалий, описанных в «Илиаде» и «Одиссее», с археологическими материалами [1; 2] или восточными архивами [3]. Эта методика работает далеко не всегда. В частности, если предметом исследования являются социально-психологические модели, другие виды источников, кроме нарративных, становятся бесполезными для верификации полученных знаний.

Этика поведения гомеровских героев неоднократно становилась предметом изучения в исторических исследованиях [12; 13; 14]. В основном ученые пытались восстановить общую модель поведения, основные качества гомеровских героев, их систему ценностей. В рамках данной работы мы сосредоточимся только на одном аспекте гомеровской этики и проанализируем отношение персонажей «Илиады» к отступлению и бегству с поля боя. В качестве материала будут привлечены случаи, когда кто-либо из ахейцев предлагает прекратить осаду Трои и вернуться домой. При этом, тема бегства с поля боя в поэмах Гомера уже не является новой в историографии. Некоторое развитие она получила в связи с недавним открытием нового фрагмента паросского поэта Архилоха [10]. Это достаточно крупный отрывок стихотворения, в котором идет речь об ахейских героях, обращенных в бегство героем Телефом. Паросский поэт пишет, что в этой ситуации боги обернулись против ахейцев, поэтому их бегство не является позорным. Важность открытия заключается в том, что проблема

they will later be accused of cowardice. Especially vividly, this idea is traced in Agamemnon's words to the wounded Menelaus and, of course, it clearly contrasts with the idea expressed by the same Agamemnon about the admissibility of night flight for the sake of saving the army.

Key words: Homer, Iliad, flight, Agamemnon, Troy.

воинской этики в произведениях Архилоха решается неоднозначно. Ряд исследователей, на основании ранее известного творчества поэта, полагали его этику поведения антигомеровской или, по крайней мере, негомеровской [9, с. 212]. Фрагмент, в котором Архилох оправдывает бегство ахейских героев, породил новый виток споров о соотношении творчества Архилоха и гомеровских поэм, а также о том, какую именно этику поведения отражает творчество паросского поэта. С нашей точки зрения, принципиально важным является предварительный внутренний анализ гомеровского творчества на предмет отношения к отступлению и бегству с поля боя. И только после полноценного изучения гомеровских текстов необходимо переходить к компаративным исследованиям.

Первый интересный нам эпизод случается в самом начале поэмы. Во время мора, устроенного в греческом лагере Аполлоном, Ахилл созывает собрание ахейцев и начинает свое выступление с предложения оставить Трою и вернуться домой (Hom. II. I. 59–61). Продолжая речь, ахейский герой говорит, что, прежде чем принимать такое решение, необходимо выяснить причины мора и волю богов. В дальнейшем собрание обсуждает именно вторую мысль Ахилла. О предложении оставить Трою и бежать домой герои не вспоминают.

Второй раз тема возвращения домой поднимается в последовавшей за оглашением воли Аполлона перепалке Ахилла и Агамемнона. Ахилл, возмущенный угрозой царя Микен взять замену Хрисеиде из добычи других ахейцев, заявляет, что ему будет приятнее вернуться домой, нежели продолжать сражаться (Hom. II. I. 169–171). Интересно, что в последующей речи Агамемнона нет упреков Ахилла в трусости. Напротив, царь Микен осуждает героя за любовь к битвам, призывает его убежать и властвовать мирмидонцами на родине (Hom. II. I. 173–187).

Одним из наиболее важных эпизодов для нас является сцена испытания ахейского войска из второй песни «Илиады». Агамемнон, обманутый ложным сном, посланным ему Зевсом, решает перед боем с троянцами ис-

пытать войска, предложив прекратить осаду и вернуться домой. Эту уловку он формулирует сначала на совете ахейских вождей: φεύγειν σὺν νηυσὶ πολυκλήϊσι κελεύσω (Hom. II. II. 74), а затем и приводит в исполнение. Главной причиной для бегства из-под Трои Агамемнон называет дурные предзнаменования: Зевс, по словам царя Микен, обманул ахейцев и велит теперь отступать от стен Трои, не взяв города и погубив многих воинов: νῦν δὲ κακὴν ἀπάτην βουλευσάτο, καί με κελεύει δυσκλέα ἄργος ἰκέσθαι, ἔπει πολὺν ὤλεσα λαόν (Hom. II. II. 114–115). Агамемнон сам полагает это отступление позором (αἰσχρὸν γὰρ τόδε γ' ἔστι), поскольку ахейцы численно намного превосходят троянцев и уже девять лет ведут войну, неся тяжелые потери (Hom. II. II. 119–130). Но город мешают взять троянские союзники, в большом числе приходящие на помощь осажденным (Hom. II. II. 130–133). Завершает свою речь Агамемнон призывом бежать из-под Трои и вернуться на родину к женам и детям: φεύγωμεν σὺν νηυσὶ φίλην ἐς πατρίδα γαίαν (Hom. II. II. 140). Главной причиной, послужившей основанием предложить прекращения осады и бегство на родину, безусловно, здесь стоит считать волю Зевса, выраженную в знаменнии. Дальнейшая речь о численном соотношении ахейцев и троянцев с союзниками призвана, как кажется, ввести слушателя поэмы в сюжет, объяснить причины длительности осады и уверенность ахейцев в конечной победе.

Реакция войск на речь Агамемнона отличается от предполагаемой им. Воины бросаются к кораблям и начинают сборы в обратную дорогу, никак не выражая желание продолжать осаду города. Успокаивает войска по просьбе Афины Одиссей. Царь Итаки забирает скипетр у Агамемнона и, уговаривая вождей и наказывая простых воинов, снова собирает ахейцев на совет. Важно отметить, что Одиссей стыдит вождей ахейского войска, упрекая их в страхе перед троянцами: δαίμονι' οὐ σε ἔοικε κακὸν ὡς δεῖδίσσεσθαι, ἀλλ' αὐτός τε κάθησο καὶ ἄλλους ἴδρουε λαούς (II. II. 190–191)

На этом сцена не заканчивается. После того как большая часть войска успокаивается, следует эпизод с Терситом, который также призывает ахейцев вернуться домой (Hom. II. II. 225–242). Терсит упрекает Агамемнона в том, что тот ведёт войну для своей выгоды, получая основную долю от добычи, а также нанёс серьёзную обиду лучшему из ахейцев – Ахиллу. Одиссей наказывает оратора за поношения в адрес Агамемнона. Интересно, что предложение прекратить осаду, высказанное Терситом,

не вызывает никакого отклика у окружающих. Ахейцы, только что бросившиеся к кораблям по предложению Агамемнона, полностью игнорируют идеи Терсита. Равно и Одиссей упрекает оратора за трусость и бесполезность на поле боя, однако не обращает внимания на предложение прекратить осаду.

В последующих выступлениях Одиссея и Нестора звучат призывы сражаться до взятия Трои. Одиссей перечисляет предзнаменования, которые сопровождали отправление ахейцев из Греции, и обещает, что их ждёт вечный позор, если перед самой победой они побегут на родину, не взяв города (Hom. II. II. 284–332). Нестор и вовсе угрожает смертью любому, кто попытается отправиться домой: εἰ δὲ τις ἐκπάγλως ἐθέλει οἶκον δὲ νέεσθαι ἀπτέσθω ἧς νηὸς εὐστέλμοιο μελαίνης, ὄφρα πρόσθ' ἄλλων θάνατον καὶ πότμον ἐπίσπη (Hom. II. II. 357–359). Схожая мысль звучит в последнем слове Агамемнона, который, призывая воинов снаряжаться в бой, угрожает смертью тем, кто будет уклоняться от сражений и останется в лагере: οὐ οἱ ἔπειτα ἄρκιον ἔσσειται φυγέειν κύνας ἢ δ' οἰωνούς (Hom. II. II. 393–394).

Интересный эпизод мы встречаем в четвертой песне «Илиады», когда троянец Пандар ранит стрелой Менелая, одержавшего победу над Парисом в поединке. Агамемнон, увидев раненного брата, проклинает вероломство троянцев, нарушивших клятвы о перемирии, и сетует на возможные последствия смерти Менелая. Царь Микен начинает свою речь с того, что клятвopеступление троянцев должно получить заслуженное наказание от богов (Hom. II. IV. 155–168). Однако, если Менелай все же умрет, то Агамемнон, вынужден будет, испытывая тяжелейший стыд, вернуться на родину, поскольку ахейцы потеряют желание сражаться за Елену: καὶ κεν ἐλέγχιστος πολυδῖπιον ἄργος ἰκοίμην· αὐτίκα γὰρ μνήσονται Ἄχαιοὶ πατρίδος αἴης (Hom. II. IV. 171–172). Такой сценарий будет позором, в первую очередь, для Агамемнона, который возглавлял ахейское войско. Царь Микен рисует образ троянца, который будет гордиться победой над ахейцами, вскочив на гроб Менелая, и заключает, что тогда ему – Агамемнону – лучше провалиться сквозь землю: τότε μοι χάνοι εὐρεῖα χθῶν. Довольно интересно, что Агамемнон такое значение придает Менелая, как тому, кто удерживает ахейские войска под Троей, олицетворяет собой цель похода.

В начале девятой песни Агамемнон повторяет свое предложение бежать из-под Трои практически в той же формулировке, что и

ранее (Ном. II. IX. 17–28). Однако на этот раз предложение видится более соответствующим моменту, так как ахейцы терпят поражения, а боги посылают видимые всем воинам неблагоприятные знамения. Против Агамемнона резко выступает Диомед (Ном. II. IX. 34–49). Он упрекает царя Микен в отсутствии храбрости и заявляет, что Агамемнон может отправляться домой. Сам же Диомед собирается сражаться до самого падения Трои, даже если останется только со своим возницей Сфенелом: *εἰ δὲ καὶ αὐτοῖ φευγόντων σὺν νηυσὶ φίλην ἐς πατρίδα γαῖαν· νῶϊ δ' ἐγὼ Σθένηςλος τε μαχησόμεθ' εἰς ὃ κε τέκμων Ἰλίου εὐρωμεν· σὺν γάρ θεῶ εἰλήλουθμεν* (Ном. II. IX. 46–49). Диомед получает одобрение от всех собравшихся, после чего слово берет Нестор, который предлагает попытаться урегулировать конфликт между Ахиллом и Агамемноном. Предложение отступить из-под Трои и вернуться домой более не рассматривается.

Во время посольства к Ахиллу мы также встречаем интересный диалог. Пришедшие к герою послы – Одиссей, Феникс и Аякс – уговаривают Ахилла прекратить ссору с Агамемноном, приняв огромные дары, предложенные царем Микен (Ном. II. IX. 225–306). Ахилл в ответном слове перечисляет свои достижения и напоминает о тяжести нанесенной ему обиды. Помимо прочего, герой подчеркивает, что обильные дары Агамемнона ему не нужны, и он не планирует продолжать бои под Троей: *νῦν δ' ἐπεὶ οὐκ ἐθέλω πολεμιζέμεν Ἔκτορι δίῳ* (Ном. II. IX. 356). Затем Ахилл формулирует план своих дальнейших действий, угрожая ахейским вождям, что не просто будет продолжать уклоняться от сражений, но и снарядит корабли для возвращения на родину: *αὔριον ἱρὰ Διὶ ῥέξας καὶ πᾶσι θεοῖσι νηήσας εὖ νῆας, ἐπὶν ἄλα δὲ προερεύσσω, ὄψεαι, αἶ κ' ἐθέλησθα καὶ αἶ κέν τοι τὰ μεμήλη, ἦρι μάλ' Ἑλλήσποντον ἐπ' ἰχθυόεντα πλεούσας νῆας ἐμάς, ἐν δ' ἄνδρας ἐρεσσέμεναι μεμαῶτας* (Ном. II. IX. 357–361). Ахилл рассуждает, что имеющейся добычи, а также оставшегося дома достояния ему вполне хватит, и он не нуждается в дарах Агамемнона (Ном. II. IX. 364–367). Завершает свою речь Ахилл тем, что предлагает Фениксу остаться с ним и на следующий день отправиться на кораблях домой: *Φοῖνιξ δ' αὖθι παρ' ἄμμι μένων κατακοιμηθήτω, ὄφρα μοι ἐν νῆεσσι φίλην ἐς πατρίδ' ἔπηται αὔριον ἦν ἐθέλησιν· ἀνάγκη δ' οὐ τί μιν ἄξω* (Ном. II. IX. 427–429).

Интересно, что в ответных словах послы признают правомерность претензий Ахилла и обоснованность его угроз, никак не критикуя планы вернуться на родину. Феникс уговарива-

ет героя оставить гнев, обращая внимание на то, что Агамемнон признал свою неправоту и предлагает значительные дары. В этом случае, по мнению Феникса, для Ахилла будет правильным и приличным оставить гнев (Ном. II. 513–523). При этом, Феникс готов последовать за героем домой, если тот решит не внимать мольбам ахейского войска (Ном. II. IX. 434–445). С точки зрения Феникса ошибкой Ахилла в этой ситуации может считаться только чрезмерная гневливость и упорство в отказе от войны с троянцами. В качестве примера он приводит Мелеагра, который, не получив даров в качестве компенсации за обиду, спас свой город от нашествия врагов (Ном. II. IX. 529–600). Просит Ахилла смягчить свой гнев и помочь друзьям и соратникам также Аякс (Ном. II. IX. 624–642). Он упирает на тяжесть положения ахейского войска и на то, что среди ахейцев много друзей Ахилла, тяжело страдающих в сражении с троянцами.

Важнейший диалог происходит в начале четырнадцатой песни. Нестор встречает идущих посмотреть на битву раненых вождей – Агамемнона, Диомеда и Одиссея – и просит их не рисковать жизнью, вступая на поле боя. Агамемнон, в свою очередь, предлагает новый план бегства. Он перечисляет последние неудачи ахейского войска, вынужденного оставить недавно построенную стену и отступить до самых кораблей, и приходит к заключению, что боги теперь способствуют только победам троянцев (Ном. II. XIV. 65–73). Поэтому Агамемнон предлагает спустить крайние корабли на море для того, чтобы ночью, когда трояне прекратят наступление, ахейцы могли сесть на них и бежать из-под Трои (Ном. II. XIV. 75–79). Завершает свою речь царь Микен, говоря, что нет позора в бегстве, даже ночном, и бегство лучше, чем гибель: *οὐ γάρ τις νέμεσις φυγέειν κακόν, οὐδ' ἀνὰ νύκτα. βέλτερον ὃς φεύγων προφύγη κακόν ἢ ἐάλωη* (Ном. II. XIV. 80–81). Последняя фраза Агамемнона подразумевает, что ночное бегство отличается от дневного, вероятно, в худшую сторону. Однако больше в поэмах этот топос не встречается.

Интересно, что в «Илиаде», по большей части, мы встречаем и прямо противоположные суждения о бегстве. Например, альтернативную позицию формулирует Диомед. Когда на раненого героя нападают двое троянских воинов – Пандар и Эней, возница Диомеда – Сфенел – предлагает ему отступить от превосходящих противников. На это Диомед отвечает, что в его роду не принято отступать перед врагами: *μή τι φόβον δ' ἀγόρευ', ἐπεὶ οὐδὲ σὲ πεισέμεν οἴω.*

οὐ γάρ μοι γενναῖον ἀλυσκάζοντι μάχεσθαι οὐδὲ καταπύσσειν· ἔτι μοι μένος ἔμπεδόν ἐστίν· (Hom. II. V. 252–254).

Предложение Агамемнона также вызывает негативную реакцию окружающих. Царю Микен довольно сурово отвечает Одиссей, осуждающий высказанный план. Одиссей упирает на то, что война является главным делом ахейцев и они должны погибнуть с оружием в руках, но не бежать от противника. Кроме того, такое предложение ужасно именно со стороны Агамемнона, который является главой всего войска. Наконец, по мнению Одиссея, план Агамемнона гибелен с точки зрения того, какое влияние он окажет на текущее положение в битве. Ахейцы, увидев приготовления к отплытию, будут думать о бегстве, а не о том, как отстоять лагерь и корабли (Hom. II. XIV. 83–102). В ответном слове Агамемнон не отказывается от своего плана и предлагает другим высказать лучшую идею (Hom. II. XIV. 104–108). Прекращает дискуссию Диомед, предлагающий вождям надеть доспехи и выйти к войскам для ободрения сражающихся (Hom. II. XIV. 126–132).

Как кажется, хорошо суммирует часть вышеприведенных примеров одна из фраз, относящихся к «Долонии». В начале десятой песни Менелай и Агамемнон решают разбудить других вождей ахейцев, чтобы проверить ночную стражу и еще раз обдумать положение войска. Когда Агамемнон вместе с Нестором призывают Одиссея, Нестор предлагает царю Итаки следовать на совет, где ахейские вожди решат бежать им или сражаться: ἀλλ' ἔπε', ὄφρα καὶ ἄλλον ἐγεῖρομεν ὄν τ' ἐπέοικε βουλὰς βουλευεῖν, ἢ φευγέμεν ἢ μάχεσθαι (Hom. II. X. 146–147). Эта формула отражает содержание военных советов вождей, которые происходят в «Илиаде», хотя и встречается в «Долонии», которая, по мнению исследователей, наиболее сомнительная с точки зрения аутентичности часть поэмы [11].

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, предложение прекратить осаду и бежать на родину может высказываться на военном совете. В этом случае оно всегда формулируется в самом начале обсуждения. Как кажется, основной функцией этого предложения является указание на сложность ситуации, в которой оказываются ахейские войска. Здесь важно указать, что советы в «Илиаде» преимущественно собираются в тех случаях, когда ахейцы испытывают затруднения. В первом случае речь идет о море, который наслал Аполлон на лагерь осаждающих. Затем поводом для собраний становятся неудачи в сражениях с троянцами. Соответ-

ственно, человек, который созывает собрание, подчеркивает сложность положения предложением прекратить осаду и отступить. Это предложение, в свою очередь, вызывает возражения собравшихся, которые предлагают какой-либо альтернативный выход из ситуации.

В случае военного совета причиной прекращения осады и бегства на родину называется воля богов. Последняя может быть, как явно выраженной – например, в случаях с мором или знаменами Зевса, так и следующей из общего положения дел в битвах – например, в случае с неоднократными поражениями ахейцев и их отступлением в лагерь. Наконец, автором предложения на советах выступает тот человек, который совет собирает – однажды эту роль приходится выполнять Ахиллу, несколько раз – Агамемнону. Особняком стоит ситуация с Терситом из второй песни. В случае с его предложением стоит говорить о нарушении общего порядка выступления в военном совете, за что оратор получает побои от Одиссея. Но Терсит – это один из отрицательных героев «Илиады», не отличающийся никакими положительными качествами [8, с. 42–43].

Во-вторых, о своих планах покинуть лагерь осаждающих и вернуться на родину несколько раз говорит Ахилл. В первый раз мы встречаем эту идею в первой песне во время ссоры героя с Агамемноном. Затем он повторяет план оставить осаду Трои в разговоре с ахейскими посланцами. В случае Ахилла угроза уйти из войска ахейцев является закономерным следствием нанесенного герою оскорбления и не вызывает осуждения среди соратников. Они уговаривают его, зывают к его доброте и дружеским чувствам, однако не требуют от него отказаться от своих претензий. Это положение и аргументация посланцев подчеркивают, что в поэме претензии Ахилла к оскорбившему его Агамемнону являются обоснованными. Этот тезис убедительно доказывает и В. Йегер, подчеркивающий важность сохранения определенной модели управления в войске и уважительного отношения к ἀρετή героев. Оскорбление, нанесенное Ахиллу Агамемноном, с этой точки зрения, наносит ущерб всей системе отношений в ахейском войске [6, с. 29–42]. Следовательно, любые действия Ахилла, вплоть до ухода из осаждающего войска, не могут вызвать осуждения со стороны его соратников. И то моральное осуждение, которые мы встречаем в случае с Ахиллом, концентрируется на том, что герой слишком упорствует в своем гневе и не идет на примирение с признающим свою вину Агамемноном. Это очень интересно сравнить

со словами Нестора и Агамемнона, которые требуют от ахейцев сразаться с троянцами, угрожая наказанием в случае уклонения от битв. На Ахилла суровость возможного наказания не распространяется.

Особняком стоит план Агамемнона, сформулированный в четырнадцатой песне. Здесь мы не можем говорить о полноценном военном совете, поскольку обсуждают ситуацию только четверо ахейских вождей. С одной стороны, в предложении царя Микен мы можем найти еще одно дополнение к неоднозначному моральному облику Агамемнона в поэме [7, с. 285–288]. Однако, на наш взгляд, только личными качествами Агамемнона его частые предложения о прекращении осады объяснять не стоит. Важную роль играет статус царя Микен, как верховного вождя ахейцев, заботящегося о сохранении войска. Если кто-то другой из ахейцев, предложивший прекращение осады, может столкнуться с наказанием, верховный вождь от этого риска избавлен. Еще один вариант решения проблемы заключается в том, что Агамемнон, как лидер ахейцев, чаще всего в поэме выступает человеком, начинающим собрание. Следовательно, именно ему в первом слове приходится подчеркивать сложность положения осаждающего войска.

Стоит также отметить, что проработанность проектов отступления нарастает по мере ухудшения положения ахейцев под Троей. Если

в первых песнях никто всерьез не возражает оратору, предлагающему прекратить осаду, то впоследствии на реалистичность высказываний Диомеда и Одиссея. Разумеется, это связано с куда более худшим положением ахейцев в середине поэмы, нежели в ее начале.

Наконец, прекращение осады воспринимается персонажами как позор, за который их впоследствии будут упрекать в трусости. Особенно ярко эта идея прослеживается в словах Агамемнона раненому Менелая и, конечно, она ярко контрастирует с высказанной тем же Агамемноном идеей о допустимости ночного бегства ради спасения войска.

Подводя итог, следует сказать, что, конечно, предложения прекратить осаду Трои и бежать на родину часто представляют собой определенный топос, соответствующий началу военного совета в тяжелых условиях. Однако эта схема работает далеко не всегда. Отношение к предложениям прекратить осаду и конкретные обстоятельства, соответствующие каждому эпизоду, позволяют заметно уточнить и расширить наши представления о воинской этике в гомеровских поэмах. Они позволяют продемонстрировать, что, несмотря на стереотипное представление о гомеровском герое, как образце воинской доблести и чести, на деле их риторика и поведение не всегда являются столь однозначными.

Источники и литература

1. Андреев Ю. В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции в XI–VIII вв. до н.э. СПб.: Нестор-история, 2004. 496 с.
2. Андреев Ю. В. Об историзме гомеровского эпоса // Вестник древней истории. 1984. №4. С. 3–11.
3. Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.: Восточная литература, 1996. 328 с.
4. Гринцер Н. П. Гомер на рубеже эпох // ШАГИ. 2015. Т.1. №2. С. 23–53.
5. Зайцев А. И. Поэмы Гомера как исторический источник // Зайцев А. И. Избранные статьи / под. ред. Н. А. Алмазовой и Л. Я. Жмудя. Т.2. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 175–190.
6. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека / пер. с нем. А. И. Любжина. Т. 1. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2001. 608 с.
7. Лосев А. Ф. Гомер. М.: Молодая гвардия, 2006. 400 с.
8. Туманс Х. «Львы» и «волки» у Гомера: заметки к эпической «Табели о рангах» // Аристей. 2011. Вып. IV. С. 27–51.
9. Ярхо В. Н. Еще раз о социальной позиции Архилоха // Ярхо В. Н. Эпос. Ранняя лирика. М.: Лабиринт, 2001. С. 199–214.
10. Barker E., Christensen J. Flight Club: The New Archilochus Fragment and its Resonance with Homeric Epic // *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici*. 2006. No.57. P. 9–41.
11. Danek G. Studien zur Dolonie. Wien: Verlag der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1988. xxxi + 248 p.
12. Nagy G. The Best of the Achaeans: Concepts of the Hero in Archaic Greek Poetry. Baltimore–London: Johns Hopkins University Press, 1979. xvi + 392 p.
13. Nagy G. The Epic Hero // *A Companion to Ancient Epic* / ed. by J. M. Foley. Malden–MA–Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P.71–89.
14. Schein S. L. The Mortal Hero. An Introduction to Homer's Iliad. Berkely–Los Angeles–London: Univ. of California Press, 1984. xii + 223 p.
15. Snodgrass A.M. An Historical Homeric Society? // *Journal of Hellenic Studies*. 1974. Vol. 94. P. 114–125.

References

1. Andreev Yu. V. Gomerovskoe obshchestvo. Osnovnye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Gretsii v XI–VIII vv. do n.e. (*The Homeric Society. The Baste Tendencies of the Social-Economical and Political Developments of Greece in the 11th – 8th centuries B.C.*) St. Petersburg: Nestor-istoriya, 2004. 496 p. (In Russian).

2. Andreev Yu. V. Ob istorizme gomerovskogo eposa (*On the historicism of the Homeric epic*) // Vestnik drevnei istorii. 1984. No.4. P. 3–11. (In Russian).
3. Gindin L. A., Tsymburskii V. L. Gomer i istoriya Vostochnogo Sredizemnomor'ya (*Homer and the History of the East Mediterranean*). Moscow: Vost. lit., 1996. 328 p. (In Russian).
4. Grintser N. P. Gomer na rubezhe epokh (*Homer at the boundary of epochs*) // Shagi/Steps. 2015. Vol. 1. No. 2. P. 23–53. (In Russian).
5. Zaitsev A. I. Poemy Gomera kak istoricheskii istochnik (*Homer's poems as a historical source*) // Zaitsev A.I. Izbrannye stat'i / ed. by N.A. Almazovoi i L.Ya. Zhmudya. Vol. 2. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2003. P. 175–190. (In Russian).
6. Jaeger W. Paideiya. Vospitanie antichnogo greka (*Paideia. Die Formung des griechischen Menschen*) / translated by A. I. Lyubzhina. Vol. 1. Moscow: Greko-latinskii kabinet Yu. A. Shichalina, 2001. 608 p. (In Russian).
7. Losev A. F. Gomer (*Homer*). Moscow: Molodaya gvardiya, 2006. 400 p. (In Russian).
8. Tumans H. «L'vy» i «volki» u Gomera: zametki k epicheskoi «Tabeli o rangakh» (*The Lions and Wolves in Homer: Notes to Epic Table of Ranks*) // Aristei. 2011. Vol. IV. P. 27–51. (In Russian).
9. Yarkho V. N. Eshche raz o sotsial'noi pozitsii Arkhilokha (*Once again on the Social Position of Archilochus*) // Yarkho V. N. Epos. Rannyya lirika. Moscow: Labirint, 2001. P. 199–214. (In Russian).
10. Barker E., Christensen J. Flight Club: The New Archilochus Fragment and its Resonance with Homeric Epic // Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici. 2006. No.57. P. 9–41.
11. Danek G. Studien zur Dolonie. Wien: Verlag der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1988. xxxi + 248 s.
12. Nagy G. The Best of the Achaeans: Concepts of the Hero in Archaic Greek Poetry. Baltimore–London: Johns Hopkins University Press, 1979. xvi + 392 p.
13. Nagy G. The Epic Hero // A Companion to Ancient Epic / Ed. by J.M. Foley. Malden–MA–Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 71–89.
14. Schein S. L. The Mortal Hero. An Introduction to Homer's Iliad. Berkely–Los Angeles–London: Univ. of California Press, 1984. xii + 223 p.
15. Snodgrass A. M. An Historical Homeric Society? // Journal of Hellenic Studies. 1974. Vol. 94. P.114–125.